

Лишь сейчас, сквозь липкий пьяный угар, до затуманенного сознания Шэнь Сыюаня дошло: старший брат совершил убийство.

А матушка... матушка, похоже, вознамерилась сделать из него козла отпущения. Кровавая, чудовищная правда обрушилась на Шэнь Сыюаня с силой хлесткой пощёчины, застигнув врасплох.

Но ведь сегодня он даже шагу не сделал за порог собственной обители! И разве Шэнь Чжихэ не презирал подобные злачные места? Стоило Шэнь Сыюаню раньше отправиться в весёлый квартал пригубить цветочного вина, как старший брат тут же принимался сурово отчитывать его, напустив на себя праведный вид.

Если же увещевания не помогали и Шэнь Сыюань всё равно упрямо шёл развлекаться, Шэнь Чжихэ неотступно следовал за ним, словно надзиратель, и даже если соглашался выбрать девицу, долго и чинно ломался ради приличия. В глазах Шэнь Сыюаня старший брат всегда оставался образцом благодетели, безупречно оберегающим свою чистоту.

Как же этот праведник умудрился забить до смерти Цинь Чуаня в Тереме Грандиозного Полета? И главное — зачем матушка насильно напоила его жгучим вином и вытолкала сюда, заставляя взять чужую вину на себя?

Он устремил помутившийся взор на Ли Сянлань, свою законную мать. Шэнь Сыюань рос под её опекой. Всё это время Ли Сянлань выказывала ему исключительную нежность — порою казалось, что к нему она благоволит даже больше, чем к родному первенцу Шэнь Чжихэ.

И вот теперь... Неужели она с лёгким сердцем отдаст его на плаху ради спасения старшего сына?

В желудке Шэнь Сыюаня бурлило выпитое пойло, всё тело горело, точно в лихорадке. Гул беснующейся толпы отошёл на задний план, а в ушах набатом зазвучали шёпотом оброненные слова Ли Сянлань:

«Тебе тоже пора отправиться на тот свет и составить компанию своей твари-матери...»

«Моя матушка... Почему она назвала её тварью?»

Шэнь Сыюань обвёл взглядом собравшихся. Перед глазами всё плыло, но он без труда мог представить их искажённые брезгливостью и злобой лица.

Услышав условный знак от управляющего, Шэнь Чжихэ затрепетал от волнения. Сделав глубокий вдох, он с картинно покрасневшими глазами шагнул за порог усадьбы.

На самом пороге его охватило мимолётное колебание, но, поймав ободряющий взор

управляющего Хэ, молодой человек решительно направился к сидевшему прямо на земле Шэнь Сыюаню, который был выряжен в его собственную одежду.

Взглянув на затуманенное хмелем лицо младшего брата, Шэнь Чжихэ на мгновение замер. В душе его шевельнулось невольное восхищение: этот сын от наложницы своей красотой превосходил любых изысканных девиц из весёлых кварталов. Жаль только, притронуться к нему было нельзя.

Бережно убрав растрёпанную прядь со лба Шэнь Сыюаня, Шэнь Чжихэ повернулся к рыдающей матери. Его голос прозвучал с надрывом, преисполненный трагической решимости:

— Матушка! Это я совершил убийство, мне и ответ держать! Зачем вы впутываете Сыюаня?!

С этими словами он попытался поднять брата на руки, изображая благородный порыв. Однако Шэнь Сыюань был мертвецки пьян и обмяк, точно варёная лапша, так что совладать с его непослушным телом в одиночку Шэнь Чжихэ не смог.

Появление второго юноши, одетого точь-в-точь как первый «Шэнь Чжихэ», ошеломило не только зевак, но и слуг дома Цинь.

Как могло оказаться два Шэнь Чжихэ? Лишь приглядевшись, толпа заметила разительное несходство. Один отличался мягким, благообразным обликом, другой же обладал дерзкой, почти порочной красотой.

Придерживая источающего густой винный дух Шэнь Сыюаня, Шэнь Чжихэ осмелился поднять глаза на Великого наставника Циня. Впрочем, совесть его была нечиста: выдержав этот взгляд едва ли мгновение, он торопливо опустил голову, однако послушно произнёс заученную фразу:

— Цинь-тайши! Это я лишил жизни Цинь Чуаня! Я готов искупить вину собственной головой!

Эти слова окончательно запутали толпу. Те, кто никогда не видел старшего сына премьер-министра, терялись в догадках. Знакомые же с ним лица изумлялись ещё сильнее: если благородный юноша перед ними — действительно Шэнь Чжихэ, то кто же тогда этот бесчувственный пьяница?

— Нет! Чжихэ, сынок!

Выждав идеальный момент, Ли Сянлань с рыданиями бросилась вперёд и вцепилась в ноги сына, словно пытаясь зажать ему рот.

Ли Сянлань выглядела в отчаянии и панике. Она опустилась прямо в пыль, со слезами обнимая Шэнь Чжихэ и одновременно с неожиданной силой отталкивая оцепеневшего Шэнь Сыюаня прочь.

— Не бери на себя чужой грех! Зачем ты оговариваешь себя?! Ты же меня живьём в могилу сведешь!

Собравшиеся стояли как громом поражённые, силясь осмыслить происходящее. Вновь явившийся юноша заявляет об убийстве, но его собственная мать упрямо это отрицает.

— Пойдите, но ведь именно этот, благообразный — настоящий Шэнь Чжихэ, я его точно видел!
— слышался в толпе негромкий голос.

— А кто тогда этот валяющийся пьянчуга?

Перегар от него шёл такой, что у зевак на приличном расстоянии спирало дыхание. Сколько же надо было вылакать?

— Да это же второй барчук, сын от наложницы Шэнь Сьюань! Он из игорных домов почитай не вылезает, неужто не признали?

— Точно, точно! Это же он, шельмец!

Великий наставник Цинь хмуро созерцал это сентиментальное представление, поочерёдно переводя взгляд то на цепляющуюся за сына Ли Сянлань, то на оттолкнутого в сторону лже-Шэнь Чжихэ. Последний, с багровым от прилившей крови лицом и блуждающим взором, явно не понимал, где находится. В замешательство пришёл даже он, искушённый в интригах.

Поддерживаемая служанками, Ли Сянлань с трудом поднялась на ноги. Она потянула к себе Шэнь Чжихэ, однако тот картинно уклонился, отстранив её руку, и вновь склонился над безвольным Шэнь Сьюанем.

Это заставило Ли Сянлань изобразить крайний испуг. Не заботясь о размазанных по щекам слезах, она выглядела в этот миг постаревшей и надломленной горем женщиной, вызывающей невольное сострадание.

Склонившись перед собравшимися в глубоком поклоне, она прижала ладонь к груди и заговорила дрожащим голосом:

— Я, Ли Сянлань, растила этого мальчика двадцать лет и перед богами чиста: заботилась о сыне от наложницы пуще, чем о собственной плоти и крови! Но сегодня я не могу молчать. Сын от наложницы совершил страшное злодеяние, так неужели его благородный старший брат должен расплачиваться своей жизнью?!

Шэнь Чжихэ, услышав это, с потрясённым видом вскинул голову. Поспешно поднявшись и оставив распростёртого на земле Шэнь Сьюаня, он ухватил Ли Сянлань за рукав, умоляя замолчать:

— Матушка, опомнитесь, что за вздор вы несете! Это я, я повинен в его смерти! Сыюань здесь ни при чём!

По толпе прокатился вздох изумления. Все устремили взгляды на мертвецки пьяного Шэнь Сыюаня. Значит, вот оно что! Сын от наложницы лишил человека жизни, а благородный старший брат решил пожертвовать собой ради него!

Среди зевак вновь поднялся глухой ропот. Как только у сына от наложницы духу хватило на такое беззаконие?

— Вот и я говорю! С чего бы такому утончённому мужу, как Шэнь Чжихэ, опускаться до драк в борделях? Всё дело в этом никчёмном повесе!

— Какое самопожертвование... Кто бы мог подумать, что старший брат так дорожит этим негодяем, что готов взойти за него на плаху!

Окружающие сочувственно глядели на Шэнь Чжихэ и Ли Сянлань, качая головами. Наконец из толпы кто-то громко выкрикнул:

— Молодой господин Чжихэ! Братская любовь почтенна, но всему есть предел! Ваша жизнь принадлежит родителям, и отдать её за это ничтожество — тягчайший грех сыновней непочтительности перед премьер-министром и его супругой!

Слушатели заоглядывались, сиюсь разглядеть кричавшего, но тот уже бесследно растворился в толпе.

— И то правда! Не смейте губить себя ради этого отребья, не оправдав надежд вашей благородной семьи! — завторили другие голоса.

Шэнь Сыюань закрыл глаза, не желая больше видеть ни лживые слёзы матушки, ни беснующуюся толпу. Было бы верхом глупости не понять теперь, какую мерзкую комедию разыгрывают перед ним Ли Сянлань и Шэнь Чжихэ.

Распластавшись на сырой земле, он безучастно созерцал бескрайний небосвод. Палящее солнце безжалостно выжигало глаза, окончательно лишая его возможности что-либо различить.

«Так вот что ты задумала, матушка... А отец... Отец до сих пор не соизволил явиться. Должно быть, он благословил эту затею? Чему удивляться — он ведь никогда меня не любил».

«Дальше всё пойдёт по маслу. Я стану козлом отпущения, и толпа встретит мою казнь ликованием. С моим-то клеймом беспутника и повесы... Навесь на меня хоть сотню убийств — никто и бровью не поведёт, решив, что туда мне и дорога».

Госпожа Цинь перевела взгляд на бесчувственного Шэнь Сыюаня. Облик этого юноши казался слишком изящным, почти вызывающе красивым; и пусть взор его блуждал в хмельном тумане, он выглядел глубоко и беспросветно тоскливым.

Казалось, крики толпы и грязные обвинения доносились до него из какого-то иного мира, а сам он никого не убивал и вовсе не принадлежал этому месту.

Сыюань держался так, точно грядущая неминуемая смерть его нисколько не страшила.

Отбрось госпожа Цинь предвзятые слухи о прошлом этого сына от наложницы, она без колебаний назвала бы истинным палачом Шэнь Чжихэ.

Взгляд старшего брата был слишком трусливым, а его деланая скорбь выглядела до отвращения наигранной. В глазах почтенной дамы блеснула холодная искра прозрения, и она властно прервала этот балаган:

— Госпожа Шэнь! Жизнь моего несчастного мальчика отнял именно Шэнь Чжихэ, и я ещё не выжила из ума, чтобы перепутать убийцу! Зачем вы подсовываете нам этого пьяного сына от наложницы? Неужели надеетесь, что подлог сойдёт вам с рук, и дело закроют?!

Проницательная госпожа Цинь безжалостно сорвала маску благочестия с Ли Сянлань, выставив её гнусный замысел на всеобщее обозрение. Жалкие потуги Шэнь Чжихэ могли обмануть разве что простодушную чернь, но никак не умудрённую в придворных интригах женщину.

Её холодная, хлесткая отповедь разом остудила пыл толпы. Великий наставник Цинь, прищулив глаза, весомо шагнул вперёд:

— Всё верно. Свидетели преступления пред нами, безжизненное тело моего сына — тоже. Неужто госпожа Шэнь рассчитывала провернуть этот дешёвый фокус с подменой прямо у нас на глазах?

Шэнь Даосюэ, старый хитрый лис, предпочитал отсиживаться в глубине поместья, послав супругу выгораживать законного сына от главной жены.

Но Великий наставник Цинь не собирался спускать дело на тормозах. Было неважно, Шэнь Чжихэ ли нанёс смертельный удар — смерть старшего сына премьер-министра сулила дому Цинь колоссальную политическую выгоду.

Сыюань предпринял отчаянную попытку подняться, но его тело стало свинцовым и не повиновалось. Желудок разрывало от выпитого пойла, но спасительная рвота никак не приходила, лишь глубже загоняя яд внутрь.

«Где сейчас Сяо Тан? Жив ли?.. И почему отец до сих пор трусливо прячется за стенами поместья?»

Сыюань больше всего на свете хотел сейчас подняться и прямо спросить матушку: что значили те страшные слова, которые она шепнула ему перед тем, как выдать толпе?

Ли Сянлань промокнула уголки глаз шёлковым платком, в её взгляде полыхнула ярость. Она не могла позволить этой выскочке Цинь разрушить безупречно выстроенный план.

К счастью, репутация сына от наложницы была столь черна, что повесить на него чужой грех не составляло никакого труда. Справившись с мимолётным замешательством, Ли Сянлань вновь заговорила с величавым достоинством:

— Я с самого начала заявила: будь мой Чжихэ виновен, я бы и слова не вымолвила в его защиту. Мой сын отродясь не посещал притонов и злочных мест. А если судьба и заносила его туда, то лишь ради того, чтобы в очередной раз вытащить из грязи своего непутёвого брата Сыюаня!

— Вспомните сами! Сколько раз Шэнь Сыюань творил бесчинства, и Шэнь Чжихэ приходилось лично ходить к обиженным с поклоном? Сколько раз я сама, позабыв о гордости, водила старшего сына извиняться за проказы этого бездельника?

Законная супруга премьер-министра обвела присутствующих холодным, уверенным взглядом. Её спина оставалась безупречно прямой, излучая непоколебимую правоту.

— Виновна лишь я одна — не смогла воспитать этого сына от наложницы в строгости! За свою слабость я готова принять от господина премьер-министра разводное письмо и до конца дней своих затвориться в монастыре, отмаливая грехи! Но позволить, чтобы мой безвинный первенец отдал жизнь за этого негодяя... О боги, это выше моих сил! Это разрывает моё материнское сердце!

Договорив, Ли Сянлань устремила на госпожу Цинь торжествующий взор. Пусть эти напыщенные Цини жаждут крови её сына — им придётся зубы обломать, прежде чем они до него доберутся.

Толпа недовольно зашумела. Многим показалось, что семейство Цинь заходит слишком далеко. С уст госпожи Цинь так и слетали требования казнить именно законного сына от главной жены Шэнь. Любому мало-мальски мыслящему человеку становилось ясно: истинный виновник — беспутный Шэнь Сыюань, но влиятельные Цини упрямо цеплялись за Шэнь Чжихэ.

— Да ведь дома Цинь и Шэнь извечно враждуют в совете! — зашептались в задних рядах. — Понятное дело, они костыми лягут, лишь бы растоптать премьер-министра и лишить его наследника.

О проделках Шэнь Сьюаня и без того ходили легенды: картёжник, кутила и забияка, способный на любую низость. А несчастной Ли Сянлань приходилось раз за разом переступать через собственную гордость, вымаливая прощение у знатных семейств.

Столь высокопоставленная дама годами терпела унижения из-за сына от наложницы, но теперь чаша её терпения переполнилась. Любая мать встала бы горой, защищая родную кровь от напрасной гибели.

К тому же достаточно было взглянуть на мычащего в грязи Шэнь Сьюаня. Сомнений не оставалось: нализавшись до чертей, он в пьяном угаре забил младшего барчука Цинь до смерти, а когда осознал, что натворил, трусливо назвал себя именем старшего брата и дал дёру.

<http://bllate.org/book/19456/2028534>